

Две древнетюркские рунические надписи на пряслицах с территории Западного Прибайкалья: история находок и их историко-культурное значение

В. В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Рассмотрены две надписи, выполненные древнетюркским руническим письмом, нанесенным на пряслица, найденные в Западном Прибайкалье в начале XX в. археологом Б. Э. Петри. Реконструирована история обнаружения находок и обобщены результаты известных попыток прочтений надписей. Предлагается новое прочтение одной из них. Предпринята попытка комплексного подхода к изучению данных памятников, несмотря на отсутствие достоверного археологического контекста их обнаружения. Развита гипотеза о тесных контактах населения Западного Прибайкалья с енисейскими кыргызами в древнетюркскую эпоху.

Ключевые слова: Прибайкалье, пряслица, древние тюрки, руническая письменность, тамга, енисейские кыргызы.

Для цитирования: Тишин В. В. Две древнетюркские рунические надписи на пряслицах с территории Западного Прибайкалья: история находок и их историко-культурное значение // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 36–55. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.36>

Two Old Turkic Runic Inscriptions on Spindle-Wheels from the Territory of Western Baikal Region: the History of Finds and Their Historical and Cultural Significance

V. V. Tishin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. An attempt to summarize data on study of two inscriptions made in Old Turkic runic writing on spindle whorls found in the Western Baikal region at the beginning of the 20th century (during the archaeological excavations organized by Bergard E. Petri) is presented. These two inscriptions, came from the Narin-Kunta village surroundings and Utu-Yelga place, near Shokhtoi ulus, respectively, are the rare Old Turkic runic writing monuments found on archaeological objects in the territory of the Western Baikal region. Such fact makes them unique among the other runiform inscriptions of the region are traditionally included in the Lena-Baikal territorial group of Old Turkic runic writing monuments. After the first attempts to read the inscriptions made in the 1920–40s, researchers haven't actually return to those monuments, however, sometimes partially involving their data in Turkic studies. Now, the objects with inscriptions analyzed are considered lost. It makes possible to work with the inscriptions only in a few photographs. In this article, author's view to read one of the inscriptions based on the new identification of signs is presented. Lower chronological boundary of their creation can be outlined in the 9th century. There is no need to associate the origin of the texts with the local population of the Western Baikal region. Despite the insufficient archaeological study of its territory, there are some opportunities to identify the historical and cultural context of the creation of these monuments. First of all, the petroglyphic and iconographic materials represented by the rock carvings, being both "tamgha" signs and drawings respectively, make it possible to confidently assume the close contacts of the Baikal population in the Old Turkic period with the population of the Khakass-Minusinsk depression are so-called Yenisei Qırqız. The few archaeological data do not contradict this. Meanwhile, the functional purpose of the objects containing inscriptions, that are spindle whorls, is ascertained not only by their forms, but also by the content of one of the inscriptions. The finding out of the manufacturing material of the spindle whorls, which turned out to be Siberian coal, traditionally incorrectly denoted in some publications as "jet", suggests that it was clearly of local origin. The last fact gives reason to believe that the inscriptions were created precisely in the region of their finding.

Keywords: Baikal region, spindle whorls, Old Turkic, Runic writing monuments, tamgha, Yenisei Qırqız.

For citation: Tishin V. V. Two Old Turkic Runic Inscriptions on Spindle-Wheels from the Territory of Western Baikal Region: the History of Finds and Their Historical and Cultural Significance. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2019, Vol. 27, pp. 36–55. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.27.36> (in Russ.)

---

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

*For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Две надписи, о которых пойдет речь ниже, выделяются среди руноподобных письменных памятников Ленско-Прибайкальской группы, поскольку могут наиболее достоверно расцениваться именно как памятники древнетюркского рунического письма.

Большая часть начертаний, обычно включаемых в реестр руноподобных надписей Ленско-Прибайкальской группы, известна науке преимущественно по изданным копиям,

как правило, выполненным первооткрывателями в ходе полевых исследований [Бернштам, 1951; Рыгдылон, Хороших, 1961; Свинин, Хороших, 1971, с. 148, рис. 4; Наделяев, 1974; Васильев, 1983, с. 23; Левин, 2014]¹. Во-первых, не все они могут быть идентифицированы как памятники древнетюркского рунического письма. Во-вторых, в ряде случаев имеющегося материала для однозначных интерпретаций именно как надписей вовсе недостаточно. Точность и достоверность передачи некоторых изображений нуждается в перепроверке. Здесь следует учитывать, что возможности исследователей, введших в оборот этот материал, были в известной степени ограничены как объективными факторами (общий уровень научных знаний об исследуемом материале, несовершенство методических приемов и технических средств копирования), так и субъективными (целеполагание, специализация и степень подготовки исследователя).

В качестве примера следует указать, что в свое время П. П. Хороших некоторые начертания на скале у горы Майхан, состоящие из нескольких параллельных линий, в отдельных случаях соседствующие с изображениями лошадей [Хороших, 1949, с. 128, рис. 48, 4, с. 129 рис. 49, 3, с. 130, рис. 49а], интерпретировал как изображения изгородей [Хороших, 1949, с. 130–131], притом что формально они вполне могут быть сопоставимы с очертаниями, идентифицированными тем же исследователем много позже именно как надписи [Рыгдылон, Хороших, 1961, с. 208, табл. 4].

В связи со сказанным ценность уверенно идентифицированных древнетюркских надписей очевидна. Необходимость обращения к этим памятникам обусловлена как недостатком внимания со стороны исследователей, так и появлением возможностей по-новому взглянуть на их прочтение и интерпретацию².

История находок

Пряслица с нанесенными знаками древнетюркского рунического письма с территории Западного Прибайкалья стали известны науке в результате полевых исследований археолога Б. Э. Петри. Первое из них было обнаружено в период работ, проводившихся в 1912, 1913 и 1916 гг. [Петри, 1922, с. 23; Donner, Räsänen, 1932, p. 1], второе – в 1926 г. [Donner, Räsänen, 1932, p. 2].

Фотография первого пряслица (рис. 1) была опубликована в 1922 г. на титульном листе брошюры Б. Э. Петри «Далекое прошлое бурятского края», где были даны такие комментарии: «Пряслица из каменного угля; на ней начертаны буквы енисейско-орхонского алфавита. Этот алфавит употребляли древние турки...», и далее: «Пряслица найдена на стоянке курумчинских кузнецов, улус Шохтой, Курумчинское ведомство...». Здесь же отмечается, что находка хранится «в кабинете археологии» [Петри, 1922, с. 39], под чем, очевидно, подразумевается открытый в 1918 г. кабинет археологии и этнографии при кафедре истории первобытной культуры, которую возглавлял Б. Э. Петри в Иркутском университете.

В следующем году вышла статья Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье (К вопросу о доисторическом прошлом якутов)», где дано следующее описание находки:

Рис. 1. Надпись на пряслице из пади Уту-Елга, окрестности улуса Шохтой, долина р. Мурин [Петри, 1922 (обложка)]

¹ Здесь не обсуждается сравнительно недавняя находка клада серебряных сосудов с острова Муруйский, один из которых содержит на донце надпись, выполненную предположительно древнетюркским руническим письмом. В настоящее время коллективом исследователей готовится публикация этих материалов.

² Некоторые предварительные результаты исследования были озвучены автором в докладе, сделанном на IX Международной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая», прошедшей в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г. [Тишин, 2018]. Однако ограниченный объем публикации не позволил в полной мере раскрыть всю проблематику, а уточнение отдельных моментов и получение новой информации потребовали продолжения исследовательской работы.

«Чтобы закончить список предметов материальной культуры, следует отметить еще разнообразной формы оселки, сделанные как из крупнозернистых песчаников, так и из мелкозернистых глинистых сланцев, служившие для оттачивания железных орудий, и, наконец, пряслицы. Пряслицы или маховики веретен делались из плотной разновидности каменного угля. Как материал для орудий, он находится часто на стоянках. Диаметр их от 3,5 до 6 см. Особенно интересен один маховик, найденный в Курумчинах и покрытый письменами (буквы). Сличая различные алфавиты с этими письменами, не трудно убедиться, что из числа ясно отличимых букв многие совпадают в точности с орхонским алфавитом. Буквы написаны без всякого видимого порядка и напоминают те наивные копии первобытных народов, когда они вносят в свою орнаментику непонятные им значки европейского письма. Часто буквы оказываются поставленными вверх ногами или в виде своего зеркального отражения» [Петри, 1923, с. 13].

В другом месте работы следующим образом характеризуется сама надпись: «Наконец, обратимся к письменам на пряслице. Внимательный разбор их убеждает нас, что мы имеем на ней 37 знаков; из них букв 21 и 16 неясных, стертых знаков, в том числе, быть может, и царапины; 21 буква являются точным воспроизведением букв енисейско-орхонского письма; из них 18 согласных и 3 гласных; некоторые буквы повторяются; всего имеется 10 различных букв. Характерно отметить, что буквы расположены спиралеобразно, закручиваясь к центру. Несомненно, когда специалисты разберут буквы, нанесенные на пряслицу, они смогут высказать более определенное мнение о том, что написано, и о том народе, который начертил енисейско-орхонские письмена на пряслице, найденной в Предбайкалье. Возвращаясь к нашей теме, я только отмечу интересный факт нахождения этих письмен так далеко на севере. Что же касается предков якутов, вышедших когда-то из северной Монголии, то они, несомненно, могли знать орхонское письмо» [Петри, 1923, с. 18].

Весной 1927 г. К. Доннер, через посредничество А. М. Таллгрена ознакомившись с первой публикацией Б. Э. Петри, сразу же определил символы именно как знаки древнетюркского рунического письма. Связавшись с Б. Э. Петри, 26 мая 1927 г. К. Доннер получил от него две фотографии, в том числе и второго пряслица, из окрестной д. Кунта (Нарин-Кунта) (рис. 3), подробное описание находок и также вторую упомянутую статью [Donner, Räsänen, 1932, p. 1]. На основе переписки с Б. Э. Петри, К. Доннер приводит следующие сведения о находках: «Согласно переписке, тот ролик веретена (Spindelrolle), который обозначен как I, был найден в местности Уту-Елга (Уту-желга) на реке Мурин, впадающей в Куду, приток Ангары. Тот, который обозначен как II и имеет немного (8) буквенных знаков (Schriftzeichen), обнаружен в 1926 г. при раскопках в окрестностях деревни Кунта, которая находится в 78 верстах к северо-востоку от предыдущего места. Кунта находится недалеко от острова Ольхон на Байкале, отмечает Петри. Оба предмета, как я уже сказал, сделаны из каменного угля (Steinkohle), здесь показаны в натуральную величину и имеют диаметр около 6 см. В других случаях размеры роликов веретен варьируются от 3,5 до 6 см в диаметре. На обоих участках было обнаружено несколько таких веретенных роликов, но только на эти два были нанесены буквенные знаки. Наконец, Петри пишет, что он передает эти ролики мне, потому что его старый друг, академик В. Радлов, умер и больше не мог работать с ними. – Ролики хранятся в Кабинете археологии и этнографии Иркутского государственного университета» [Там же, p. 2].

Не вдаваясь в этнографические интерпретации Б. Э. Петри и К. Доннера, следует отметить сам факт первой публикации обоих фотографий, сделанных советским археологом в книге «Далекое прошлое Прибайкалья» (второе издание его книги 1922 г.) [Петри, 1928, с. 59, рис. 43, с. 61, рис. 44] и с его разрешения в статье финских исследователей К. Доннера и М. Рясанена [Donner, Räsänen, 1932, p. 4–5, вкладка между стр.], благодаря которой находки и стали широко известны за пределами Советского Союза (ср.: [Orkun, 1994, s. 351]).

Финскими исследователями была предпринята первая попытка прочтения обеих надписей, вызвавшая, однако, порыв критики со стороны якутского исследователя Г. В. Ксенофонтова. В своей рецензии последний приводит любопытные данные касательно

археологического контекста рассматриваемых находок: «Раскопчный и комплексный характер этих палеографических находок, конечно, нужно рассматривать как простое недоразумение, ибо катушки найдены не Петри при его раскопках, а присланы ему в качестве подъемного материала людьми, которые не имеют отношения к археологии и к правильно поставленным раскопкам (учительница Монастырева и некая Петрова (?))» [Ксенофонтов, 1933, с. 170]. В опубликованной якутским публицистом А. И. Кривошапкиным-Айына рукописи статьи Г. В. Ксенофонтова «Письмена древне-тюркского населения Предбайкалья», подписанной 1 июля 1932 г. (с указанием на Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 113), имеются более подробные данные: «Мнение Доннера о раскопчном и комплексном характере указанных находок нуждается в коррективах в том отношении, что из двух пряслешков только один, который найден в местности Уту-елга в Курумчинском хошуне, можно считать принадлежащим к составу раскопанной Петри стоянки железного века. Кроме того, этот пряслешок найден не самим Петри, а О. А. Монастыревой, которая имела огород на том самом месте, где обнаружены стоянки. Второй пряслешок найден при пахоте крестьянами и прислан Петри позже. О целых кучах пряслешков, якобы найденных совместно с этими, тоже не приходится говорить. Таковы устные разъяснения самого профессора Петри, полученные от него лично» [Ксенофонтов, 2005, с. 58]. В изданном в 1937 г. первом томе своего труда «Ураанхай сахалар» Г. В. Ксенофонтов характеризовал оба пряслица как «случайный подъемный материал, добытый посторонними лицами» [Ксенофонтов, 1992, с. 103, прим. 1].

В рукописи Г. В. Ксенофонтов также утверждает следующее: «Краткая надпись была расшифрована мною еще до получения статьи Доннера и Резанена, а опыта разбора длинной надписи, данной здесь, добился я не без полезных указаний последнего из авторов» [Ксенофонтов, 2005, с. 66]. Исходя из упоминания Г. В. Ксенофонтовым в своих статьях неких «зарисовок», также можно судить, что он видел обе надписи в оригинале [Ксенофонтов, 1933, с. 171–172; Ксенофонтов, 2005, с. 63–64]. Все исследователи, так или иначе предлагавшие свои поправки к чтениям надписей в дальнейшем (С. Е. Малов, Х. Намык (Оркун), Л. Базен, см. ниже), работали уже только с изданными фотографиями.

В 1953 г. фотографии обоих предметов также опубликовал Э. Р. Рыгдылон [Рыгдылон, 1953, с. 87, рис. 1, с. 88, рис. 2а–б] (см. рис. 1–3). При этом под обоими снимками стоит надпись «Иркутский университет», однако видел ли исследователь сами предметы?

Следуя Б. Б. Дашибалову, на сегодняшний день можно утверждать лишь, что весь фонд находок Б. Э. Петри в долине р. Мурин, откуда происходит одно из рассматриваемых пряслиц, разбросан по ряду музейных коллекций³. Только на основе аналогий отдельных предметов он может быть отнесен к широкому периоду IX–XIV вв., при отсутствии всякой уверенности, что здесь мог оказаться случайный подъемный материал [Дашибалов, 1995, с. 20–25].

Рис. 2. Надпись на пряслице из пади Уту-Елга, окрестности улуса Шохтой, долина р. Мурин [Петри, 1928, с. 59, рис. 43]

Рис. 3. Надпись на пряслице из окрестностей д. Нарин-Кунта [Петри, 1928, с. 61, рис. 44]

³ На момент исследований Б. Б. Дашибалова, результаты которых были изданы в 1994 и 1995 гг., это были коллекции Музея антропологии и этнографии (МАЭ) № 2037, 2117, 2623 и коллекция Иркутского государственного объединенного музея (ИГОМ), ныне – Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ) № 728.

Б. Б. Дашибалов не упоминает никаких пряслиц. Также согласно данным, полученным нами от иркутских коллег, обнаружить данные находки Б. Э. Петри в коллекциях Иркутского областного краеведческого музея на настоящий момент не представляется возможным. По-видимому, они должны считаться утраченными.

Таким образом, приходится признать не только факт отсутствия достоверного археологического контекста обнаружения данных находок, но и возможность ознакомления с обоими памятниками только по имеющимся фотоснимкам, что, в свою очередь, ставит под сомнение не только идентификацию отдельных знаков надписей, особенно в отношении надписи из местности Уту-Елга, но и затрудняет характеристику графического фонда.

Прочтение надписей

Надпись на пряслице из окрестностей д. Нарин-Кунта. Следует начать именно со второго экземпляра, из окрестностей д. Нарин-Кунта (см. рис. 3). Прочтение этой достаточно короткой надписи в целом не вызывает противоречий у исследователей. Уже К. Доннер и М. Рясänen [Donner, Räsänen, 1932, p. 4–6] не имели трудностей с идентификацией знаков и смогли предложить чтение, которое, несмотря на возражения Г. В. Ксенофонта, искавшего в тексте якутские слова [Ксенофонт, 1933, с. 170–171; Ксенофонт, 2005, с. 59, 62–63], было принято рядом других исследователей [Малов, 1936, с. 276; Orkun, 1994, p. 350; Рыгдылон, 1953, с. 87; Ligeti, 1977, 167. o.; Clauson, 1972, p. 92; Vazin, 1991, p. 392, 498].

Чтение: 𐰽 𐰺 𐰾 𐰿 𐰽 𐰾 𐰽 𐰾

Транслитерация: q d¹ r¹ ḡ ḡ r¹ Ḥ q

Транскрипция: q(a)d(i)rīḡ (a)ḡ(i)rč(a)q

Перевод: Spindelrolle

Комментарий. q(a)d(i)rīḡ (знаки 1–4): первое читаемое слово не вызывает никаких сомнений: *qadir-* ‘поворачивать’ [Древнетюркский словарь ... , 1969, с. 203], “to twist back, turn back (Trans.), and the like; presumably Caus. f.” [Clauson, 1972, p. 604], с аффиксом, образующим имена существительные или прилагательные от глаголов – объект действия от переходных основ, предмет действия от непереходных, – в памятниках древнетюркской письменности имевших облик *-(O)K* [Erdal, 1991, p. 224]⁴. Соответственно, М. Эрдал исправляет чтение на *kadrak*⁵, предполагая возможную этимологизацию как от формы *kad(i)r-*, так и **kad(i)ra-*, что отмечал сэр Дж. Клосон. М. Эрдал мотивирует это тем, что форма аориста от первой основы регистрируется как *kad(i)rar* (Махмуд ал-Кашгарӣ), а отглагольные имена сохраняют конечные гласные производящей основы, в иных случаях сохраняющиеся только в формах конверба и аориста [Erdal, 1991, p. 233–234]. Исследователь допускает отождествление слова с отмеченной у сэра Дж. Клосона формой *kadra:k*, в сопоставлении с каз., кырг. *kayrak* “whetstone”, узб. *kayrok* id. и др. Ср. также в кырг. значение “hard, unirrigated land”, что коррелирует с зафиксированным у Махмуда ал-Кашгарӣ *kadrak* “‘something hard, rough’, and the like”, в значении *ma’āṭifu l-cibal wa maḥānihā* ‘folds and contortions in the mountains’ [Clauson, 1972, p. 604].

Л. С. Левитская предлагает следующую этимологию для группы *қайрак* тур. диал. (*gayrak*), кырг., чаг. ‘коса на берегу или вышедшая из воды’, кырг. ‘рассыпчатый’ (в составе *қум қайрақ* то же), тур. диал. ‘каменистая, песчаная почва, не пригодная для посева’, тур. диал. (*gayrak*) ‘красноватая почва; бесплодная почва; песчаная почва’, + аффикс *-қ*, по мнению исследователя, со значением уменьшительности, < *қайыр* ‘песок’ и т. п. Именно основа с корневым *-й-* фиксируется во всех языках, в том числе среднетюркских памятни-

⁴ Согласно сложившейся практике, заглавный символ в скобках обозначает качество соединительного гласного с точки зрения подъема и наличия/отсутствия лабиализации. Здесь и далее мы обозначаем заглавным также символ, обозначающий смычную фонему [k], подразумевая возможность ее реализации как палатализованного веллярного [k], так и увулярного [q]. В современных работах часто этот аспект не учитывается и при транскрипции единообразно используется латинский символ *k*. Ср. след. примеч.

⁵ Здесь и далее орфография цитируемых изданий приводится без исправлений.

ках, а также в якутском и тувинском языках [Этимологический словарь, 1997, с. 217]. Для среднетюркского периода сэр Дж. Клосон фиксирует следующие значения *kayır*: карах.-уйг. *al-dahās mina'l-ard* 'soft level ground', огуз. 'sand' (*al-raml*) (Махмуд ал-Кашгару), карах.-уйг. 'sanddune' («Кутагду билиг»), кыпч. *al-ḥaşbā* 'small pebbles' (анонимный мамлюкский тюрко-арабский словарь XIV в.), кыпч. *al-ramlu'l ġalīz* 'coarse sand' (тюрко-арабский словарь Абū-Ḥаййāна «Китāб ал-'Идрāk ли-лисāн ал-атрāk», XIV в.), кыпч. *al-raml* («Китāб булгатū ал-муштāk фи лугат-ū ат-турк ва ал-қифчāk» Джамāl ад-Дүнф Абū Муḥаммад Абдаллах ат-Турки, XIV в.), кыпч. (*kir?*) *falak* 'hillock' (тюрко-арабский словарь «Ал-тухфат аз-закийа фū-лугāt ат-туркūйа», XV в.), осм. (XIV–XVI вв.), в сочетании с *kum*, 'coarse sand, fine pebbles'; fairly common' [Clouston, 1972, p. 676, 678].

К этой же основе возводятся формы, образовавшиеся при помощи аффикса -қ со значением орудия, в частности туркм. диал., тур. диал. кум., кырг., каз., ккалп., тат., башк., уйг., *қайрақ*, чаг. *кайрақ*, тур. диал. *кайраһ*, *гайрак*, узб. *қайрақ*, тат. *қайрақ*, чув. *хайра* 'точный брусок' < *қай(ы)ра* 'точить' < *қайыр* 'песок', 'песчаник', что при тур. диал. *қайрақ* 'крупный песок; галька; ровный плоский камень' хорошо обосновывается семантически через предполагаемое буквальное значение '*брусок из песчаника' [Этимологический словарь ... , 1997, с. 205–206].

М. Эрдал, отмечая образование формы *kadır*- от *kad- или **kad*l-, + -(I)r- (аффикс образования переходных глаголов), указывает, что формы конверба и аориста, зарегистрированные в текстах среднетюркской эпохи («Дүвāн Лугāt ат-Турк» Махмуда ал-Кашгару, «Кутагду билиг» Йусуфа ал-Баласāгүнū), содержат широкий гласный /A/. Однако в древнейтюркских буддийских текстах встречается форма деепричастия *kadirip* (в неясном контексте), при *kadira* 'repeatedly', ср. также в подстрочном переводе Кур'āна из библиотеки Джона Райнолдса *kadra* 'back (adverb)' [Erdal, 1991, p. 537].

Видимо, М. Эрдал, анализируя слово между делом, работал только со словарем сэра Дж. Клосона. Оригинальное же написание – с соответствующей графемой 𐰇, обозначающей именно слоговый знак с узким негубным гласным /qī/ ~ /iq/. Хотя отнюдь не все случаи использования слоговых знаков в памятниках древнетюркской рунической письменности могут быть истолкованы прямо, они всегда указывают на соседство обозначаемого согласного с гласным, который включен в содержание знака [Erdal, 2004, p. 38–39]. При формально допустимом, следуя М. Эрдалу, варианте чтения *qadiraq, предпочтение следует отдать *qadiriq.

Это общетюркская глагольная основа *қадыр*- ~ *қайыр*- (при супплетивных туб. *қайры*- 'вывернуть', таранч. *кайри*- 'сгибать', уйг. *қари*- 'загибать, заворачивать, отворачивать, подвертывать (*край чего-л.*'), уйг. диал. *қайра*- 'поворачивать') < *қай- ~ *қад- ~ *қад- 'сгибаться, поворачиваться, поворачивать назад' + +(ы)р- – аффикс, образующий каузативные формы [Этимологический словарь, 1997, с. 194–196]. Как указывает М. Эрдал, исходя из формы *kadit*- 'to turn back (intr.) from the direction in which one was going', где представленный аффикс -(I)t- обычно является показателем образования пассивных форм от переходных глаголов, предполагаемая исходная основа *kad*- или **kad*l-, соответственно, должна быть переходной [Erdal, 1991, p. 537]. Другим примером служит форма *kadr-il*- 'to twist (Intrans.); to be twisted (Pass.)', где аффикс -(X)l- также является показателем пассивных форм [Clouston, 1972, p. 605; Erdal, 1991, p. 537, 661]. Т. Текин вовсе отмечает, что поскольку среди прочих приведенных М. Эрдалем глагол *kadır*- сам является переходным, правомерно поставить вопрос о существовании образующего переходные формы архаичного аффикса -r- соответственно от непереходных основ [Tekin, 1994, p. 274].

Формы отглагольных имен, зафиксированные в других языках среднетюркского периода, в частности карах.-уйг. *kadra* («Кутагду Билик», XI в.), хорезм. *kadra* / *kayra* (Текфисир, XIII в.), *kayra* (XIV в.), куман. *kayra* / *kayrı* / *kayırı* ("Codex Cumanicus", XIV в.), действительно дают преимущественно форму с финальным -A, но последние (куманские) демонстрируют возможность употребления с -I, что предполагает, соответственно, аорист **kay(i)rır*.

Это не противоречит читаемой в надписи на пряслице форме прилагательного: **qad(i)rīq*. Для нее может быть предложено два объяснения, оба из которых сводятся к указанию на диалектную особенность надписи. Согласно первому, мы имеем узкий гласный в аффиксе **qad(i)r-iq < qadīr- + *(-I)K*, с выпадением узкого корневого гласного второго слога, попадающего при аффиксации в безударную позицию, перед сонорным *-r*. Как отмечалось выше, в древнетюркских памятниках фиксируется преимущественно алломорф аффикса **(-V)K* с полушироким огубленным гласным *-(O)K*, почему ожидалось бы **qad(i)r-oq*. Согласно второму объяснению, узкий гласный последнего слога приходится признать частью производящей основы: **qadri-q < *qadri- (~ *qadīr-) + -(O)K*. Такая перестановка конечных звуков основы имеет исключительно фонетическую природу, однако в этом случае, как и в ряде других, сложно что-либо сказать о реальной связи орфографии надписи с фонетикой.

(а)γ(і)гĉ(а)q (знаки 5–8): второе читаемое в надписи слово вызывает неменьший интерес в лингвистическом плане. Оно находит следующие языковые параллели. Во-первых, это карах.-уйг. *ağırşuq*, зафиксированное у Махмұда ал-Кāшгарū в значении *filkat al-miğzal* ('spindle whorl'), при этом здесь *fatxā* над *'алифом* позднее исправлена на *дамму*, а над *зайном*, под которым стояла *кясрā*, дописана еще одна *даммā*, поэтому, согласно Р. Данкоффу и Дж. Келли, следует восстанавливать именно указанную форму, хотя И. В. Кормушин отмечает также *oğurşuq* [Maḥmūd al-Kāšyarī, 1982, p. 166, note 7; Махмұд ал-Кāшгарū, 2010, с. 163, прим. 3]. У Ибн Муханны приводится *ağırĉuq* в значении *al-ṭaqāla* – 'weight', т. е. 'whorl'. Отмечены еще куман. *vurĉiq* 'spindle' (*sic?* – сэр Дж. Клосон) ("Codex Cumanicus", XIV в.), кыпч. *ağırşaq* (как отмечает сэр Дж. Клосон, *uīn* не содержит огласовки) в значении *al-ṭaqālatu 'llati li 'l-miğzal* 'spindle whorl' (анонимный мамлюкский тюрко-арабский словарь, XIV в.), кыпч. *ağırĉuq* в значении *al-šatranc wa 'l-nard* 'chess and draughts(men)', *ağırşaq* в значении *ṭaqālatu 'l-miğzal*, а также этим словом обозначается 'anything that resembles it' («Китāб ал-'Идрāk ли-лисāн ал-атрāk», XIV в.), *awurĉuq* в значении *ṭaqāla*, туркм. диал. *ağırĉaq* id. («Ал-тухфат аз-закийа фū-лугāt ат-туркūйа», XV в.), осм. *ağırşaq* "spindle whorl" (XVI в. и далее) [Clauson, 1972, p. 92] (ср.: [Donner, Räsänen, 1932, S. 4–5; Ligeti, 1977, 167–168. o.]); тур. *ağırşak* 'yün eğirilen için alt ucuna takılan, ortası delik ağaç veya kemik parka', тур. диал. *ağırşak* 'değirmen taşı', ног. *urşik* 'ig', каз. *urşuk* id., узб. *urĉuk* id., балк. *urĉuk* id., тат. *orĉok* id., тат. мишар. *orĉok* id., башк. *orsok* id. [Eren, 1999, s. 4]; см. еще: [Kabataş, 2007, s. 55]). Впрочем, как усомнился изначально Л. Лигети [Ligeti, 1977, 168–169. o.] и как указывает теперь А. В. Дыбо, некоторые из отмеченных тюркских форм, «в основном, кыпчакских и сибирских языков», хак. *oorĉyx*, тур. диал. *oğurĉak*, кар. *увурĉок*, *урĉукъ*, кум., кбалк. *урĉукъ*, тат. *орĉык*, башк. *orsoq*, ног. *уришык*, каз., ккалп. *уришык*, узб., уйг. *urĉuq* id. [Севортян, 1974, с. 418], и, возможно, также куман. *vurĉyk*, фонетически должны восходить к пратюрк. **ogur-ĉuk* и, соответственно, не связаны с названием пряслица [Дыбо, 2011, с. 15]).

По мнению А. В. Дыбо, здесь «явное производное» от пратюрк. **iagīr* 'тяжелый' [Дыбо, 2011, с. 15]; ср. др.-тюрк. аффикс *-ĉUK*, образующий от основ на *-n* и *-r* имена со значением инструмента [Erdal, 1991, p. 357, 359] (см. также: [Ligeti, 1977, 163–164, 165. o.]). В древнетюркских памятниках словоформа *ayīr* зарегистрирована лишь в значении 'весомый, тяжелый' [Древнетюркский словарь, 1969, с. 18–19], или, согласно сэру Дж. Клосону, "basically 'heavy' in the physical sense; hence metaph. in two contrary meanings: – (1) laudatory (*a*) 'important, distinguished and (*b*) ('of full weight' hence) 'valuable, sincere'; (2) pejorative 'burdensome, grievous; painful' " [Clauson, 1972, p. 88–89]⁶.

Уже сам сэр Дж. Клосон отметил проблему корреляции форм с аффиксальным /č/ и /š/, чередование которых неизвестно для аффикса *+ĉak* (ср.: [Räsänen, 1952, S. 6]). Л. Лигети писал в этой связи о группе отглагольных аффиксов *-ĉaq*, *-ĉiq*, *-ĉuq* и *-šaq*, *-šiq*, *-šuq*, образующих значение инструмента [Ligeti, 1977, 163–164, 165, 167, 168. o.]. Однако

⁶ В словаре Э. В. Севортяна основы с двумя представленными значениями рассматриваются как гетерогенные [Севортян, 1974, с. 85, 86].

он указал на отсутствие глагольной формы **aγīr-*, которую можно было бы связать с искомым словом [Ligeti, 1977, 165. o.]. Х. Эрен на турецком материале пытался объяснить устные формы с аффиксами *-zak*, *-şik*, *-zuk* как связанные с формами *-çak*, *-çık*, *-çuk*, которые присоединяются не к именным, а, скорее, к глагольным основам. Именно поэтому трудно обосновать происхождение искомого слова от основы *ağır*, известной только в качестве прилагательного, однако даже в диалектном материале неизвестно никакого глагола **ağır-* со значением 'eğirmek', 'örmek', 'çevirmek' [Eren, 1999, s. 4]. Т. Гюленсой, также отмечающий ряд вторичных диалектных форм, предположил происхождение слова именно от именной основы [Gülensoy, 2007, s. 54–55].

М. Эрдал разбирал в своей работе форму *agirçak / ağırşuk* в секции о суффиксах *+çU* и *+çUK*. Основы, к которым они присоединяются, семантически должны образовывать значение места, потому ученый полагал, что в качестве исходной формы ожидалось бы **agir+çuk*, но признавал невозможность семантического объяснения ее этимологии [Erdal, 1991, p. 107].

Теоретически, следуя работе М. Эрдала, можно попытаться отметить здесь либо сочетание двух аффиксов *+(X)ç+AK*, первый из которых, однако, используется исключительно с терминами родства, либо заимствование из иранской среды – согдийский и среднеперсидский диминутив *+ičak*, среднеперсидский *+çak* [Erdal, 1991, p. 39, 46–47]; в другой работе М. Эрдал отмечает для древнетюркского редкий аффикс *+(I)çAK* [Erdal, 2004, p. 145].

Известные аналогии из других тюркоязычных памятников позволяют предполагать здесь наличие именно уменьшительного аффикса, представленного в широком разнообразии фонетических вариантов в ряде языков [Щербак, 1977, с. 100]. А. М. Щербак в эту группу включает аффиксы со значением как уменьшительности, так и ласкательности, притом как общетюркского, так и позднего локального образования, которые, однако, трудно поддаются разграничению друг от друга. Выделяемые по качеству гласного, эти варианты как с широким, а также полушироким огубленным (*-çak ~ -çok ~ -jak ~ -jok...*), так и узкими неогубленным и огубленным гласными (*-çik ~ -çuk ~ -(a)jik ~ -jyk ~ -uik ~ -uuk...*) могут в действительности представлять собой аллофоны разных морфем: **+çAK* и **+çXK* соответственно. Формы с шипящим сибилантом должны рассматриваться как вторичные: */ç/ > /š/* (ср. в казахском языке и анатолийских диалектах: [Kabataş, 2007, s. 55]). Изменение */š/ > /ç/* «Dübān luga't at-Turk» регистрирует в позиции после сонантов [Erdal, 2004, p. 103], хотя оно неизвестно для памятников древнетюркского периода, а появление аффиксального */š/* не нашло бы объяснения с точки зрения древнетюркской морфологии.

Другие версии заставляли бы предполагать отклонение от норм древнетюркской рунической орфографии, поскольку варианты **aγīrčūq* или **aγīrčiq* подразумевают выписывание аффиксального гласного, либо написание последних звуков при помощи соответствующих специальных слоговых знаков – $\downarrow /qu/ \sim /uq/$ и $\triangleright /qi/ \sim /iq/$, второй из которых был бы ожидаем, учитывая орфографию предыдущего слова в надписи.

Таким образом, любые изыскания в области морфологии подвигают согласиться с М. Рясяненем, указавшим на существование существительного *aγīr* 'Gewicht' [Donner, Räsänen, 1932, s. 5]. Тогда буквальное значение всей читающейся фразы может быть понято как 'вращаемый грузик'.

Надпись на пряслице из местности Уту-Елга, вблизи улуса Шохтой. Надпись на другом пряслице, из улуса Шохтой, в долине р. Мурин, насколько нам известно, не имеет надежного прочтения. После работ Э. Б. Петри и статьи К. Доннера и М. Рясянена представленный в последней снимок публиковался много раз [Окладников, 1937, с. 305, рис. 20; Окладников, Барашков, 1942, с. 32; Orkun, 1994, s. 351]; и др.), затем оба изображения были изданы Э. Р. Рыгдылоном, притом вторая фотография в более качественном виде [Рыгдылон, 1953, с. 88, рис. 2а–б] (см. рис. 1–2).

После попыток прочтения К. Доннера и М. Рясянена, различивших в тексте отдельные слова [Donner, Räsänen, 1932, S. 4, 6–7], свое видение надписи предложил

Г. В. Ксенофонтов, стремившийся прочесть текст по-якутски [Ксенофонтов, 1933, с. 171–172; Ксенофонтов, 2005, с. 63–64]. Далее значительные правки независимо друг от друга предложили в 1936 г. дискутировавший с Г. В. Ксенофонтовым С. Е. Малов [Малов, 1936, с. 276–278], а в 1938 г. Х. Намык (Оркун) [Orkun, 1994, s. 351]. Базируясь на публикации Х. Намыка (Оркуна), оригинальное прочтение текста, интерпретацию, дал Л. Базен [Bazin, 1963, S. 574; Bazin, 1991, p. 499]. Без проверки оно однозначно было принято европейскими тюркологами (см., напр.: [Gabain, 1965, S. 428; Kara, 1994, p. 205–206]).

Основываясь на обоих снимках, а также на имеющихся попытках прочтения, мы даем следующую последовательность знаков.

Чтение: $\downarrow \epsilon_{20} \Upsilon \Gamma \epsilon \times \mathbb{M}_{15} \Upsilon : (?) (l^?) l(h^? \text{ч}?) \text{X} \text{D}_{10} \text{Ч} (\text{J}?) \text{Ч} \epsilon \Upsilon_5 \uparrow \text{X} \text{D} \wedge \text{H} (?)$

Транслитерация: $q(?) t^1 j^1 d^2 r^2 s^1 g r^1 q(l^?) r^1_{10} j^1 b^2 s^2(n^? Z?) : (?) (\check{C}?) \text{š}_{15} \underline{\text{L}}\underline{\text{I}}\underline{\text{Q}} d^2 g \ddot{u}(\check{C}?) l^2_{20} g A :$

Транскрипция: (a)q (?) t(a)j (e)d(ä)rl(i)g (a)rq(a)r (a)j b(ä)s<č?> : (?) (a)šlīq (ä)dg(ü)l(ü)g a :

Перевод: ‘белый (?) жеребец оседланый; [самки] горного (?) барана месяц[ев –?] [примерно] пять (~ пятый?); пища добрая (= хорошая, славная), ах!’

Комментарий. Первое слово *āq* (знак 1) ‘white’, также используемое для обозначения масти лошадей [Clauson, 1972, p. 75], предполагается, исходя из гипотетической интерпретации первого знака (ср.: [Bazin, 1963, S. 574; Bazin, 1991, p. 499]).

Второе слово *tāj* (знаки 2–3) было различено С. Е. Маловым [Малов, 1936, с. 276], в значении ‘a one- or two-year-old foal’ оно регистрируется в ряде языков [Щербак, 1961, с. 91–92; Clauson, 1972, p. 566].

Чтение слов *edärlig* (знаки 4–7) и *arqar* (знаки 8–10) [Donner, Räsänen, 1932, S. 6, 7] было обосновано С. Е. Маловым, объединявшим их в одной конструкции [Малов, 1936, с. 277]⁷. Фраза, уверенно прочитанная далее Х. Намыком (Оркуном) как *āj bāš* (знаки 11–13) [Orkun, 1994, s. 351] (ср.: [Donner, Räsänen, 1932, S. 7]), предполагает именно ее связать с предыдущим словом. Начертание знака /č/ (знак 14) гипотетично, и здесь может быть словоразделитель из двух вертикальных черт.

В памятниках древнетюркской письменности известны случаи употребления слова *edärlig* в безглагольных предложениях в качестве именного сказуемого, следующего за подлежащим (инверсия) [Useev, 2017, s. 107, 116–117, 119]. В «жеребце», который «оседлан», нужно, скорее, видеть не годовалого или двухлетнего жеребенка, а молодого жеребца, подошедшего к трехлетнему возрасту, когда он уже мог использоваться для верховой езды [Щербак, 1961, с. 91–92].

Слово *arqar* обычно обозначает в тюркских языках горного барана, иногда – конкретно самку [Щербак, 1961, с. 171]: у Махмұда ал-Қашғарі оно трактуется как *al-urwīya*, что есть ‘female of *al-wu ‘ül’*’, но в другом контексте переводится как *al-wa ‘l* [Clauson, 1972, p. 216]. Ввиду этого проблематично связывать контекст со скотоводческим хозяйством, хотя пятимесячный срок имеет определенное значение для него – например ему равен период беременности домашней овцы [Толыбеков, 1971, с. 318]. Горный баран (архар, аргали, лат. *Ovis ammon*) был прежде широко распространен на территории Западного Прибайкалья даже в XVIII в., будучи объектом охоты бурят [Смирнов, 1983, с. 80].

Слово *arqar* выступает как детерминатив по отношению к *āj*, тогда *bāš* может рассматриваться как именное сказуемое. Предполагаемый далее, но недостоверный /č/ может быть интерпретирован двояко: во-первых, как часть аффикса +čA, обозначающего приблизительное число, будучи отмечен в древнетюркских памятниках [Erdal, 2004, p. 389–390], а также в южносибирских и среднеазиатских тюркских языках [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 196]: *bāšč[ā] ‘примерно пять’, ‘около пяти’; во-вторых, менее вероятно, как часть архаичного показателя порядковых числительных *+čI [Сравнительно-историческая грамматика..., 1988, с. 184], при др.-тюрк. +(X)nč [Erdal, 2004, p. 220, 222]: *bāšč[i] ‘пятый’.

⁷ Чтение *ärlig*, предложенное Л. Базеном, не подтверждается данными снимков.

Если принимается первый вариант, тогда числительное может указывать на возраст *arqar*. Учитывая, что период рождения у горных баранов приходится на период конца апреля – май [Сопин, 1977, с. 15], можно увидеть здесь возможность предположить косвенное указание на время нанесения надписи, которое падает на осенний сезон.

При втором варианте возможна интерпретация сочетания *arqar āj* как обозначения какой-то календарной единицы [Рыгдылон, 1953, с. 89; Bazin, 1991, p. 392]. Л. Базен основывался на ином чтении всей надписи, но обосновал, что *arkar ay* может соответствовать *kulja ay* ‘Lune de d’Argali mâle’, обозначению временного промежутка с июня по июль у тьяншаньских кыргызов, соответствующего *kuča ay* ‘Lune du Bélier’ традиционного календаря у монголов, где таким образом обозначался девятый месяц, длительность которого соответствует периоду в среднем с 8 октября по 7 ноября. С принятием монголами китайского лунного календаря в XIII в., счет сдвинулся на три месяца назад и начало года теперь в среднем падало на 4 февраля. Это, видимо, затем оказало влияние на кочевническое население подчиненных монголам территорий, отразившись на традиционном календаре кыргызов [Bazin, 1991, p. 500–504, 527; Kara, 1994, p. 205–206, note 7]. Промежуток с 8 октября по 7 ноября в целом соответствует периоду брачного периода горных баранов [Bazin, 1991, p. 398, 502, 527] (ср.: [Сопин, 1977, с. 15]). Следуя такой трактовке, начало первого месяца приходится на конец апреля – начало мая.

Отсчет начала календарного года традиционно связывался у тюркских народов с циклами хозяйственных работ. Счет месяцев определялся наблюдением за фазами луны. При этом как практика отсчета нового года, так и деления на сезоны у различных народов при общности лексического фонда имели свои особенности, обусловленные в первую очередь климатическими условиями их обитания [Bazin, 1991, p. 49–50]. Например, у саха тюрков (якутов) год начинался в мае, с началом оттепели, но у куманов, например, это было в марте [Bazin, 1991, p. 54]. Отсчет первого месяца в марте в этом случае только совпадает с весенним равноденствием, но связан именно с периодами появления растительного покрова, что было гораздо более простым способом измерения времени, чем наблюдение за солнечными явлениями. Поэтому совсем иначе счет шел у народов высокогорных и северных районов, где трава не зеленеет до конца апреля – начала мая [Bazin, 1991, p. 539].

У иркутских бурят (на территории Западного Прибайкалья) период конца апреля – начала мая, характеризующийся появлением свежей растительности, ознаменовывал начало летнего скотоводческого сезона, завершавшегося в период конца октября – начала ноября, с момента образования устойчивого снежного покрова, когда начинается перевод части скота на стойловое содержание [Басаева, Зимин, 1988, с. 60, 61; Жамбалова, 2000, с. 152; Жамбалова, 2004, с. 101].

Интересно, что оба предложенных варианта интерпретации надписи косвенно указывают на одинаковое время ее написания. Между тем, при всей соблазнительности второго варианта интерпретации, первый из них выглядит обоснованнее, во-первых, с орфографической точки зрения, ввиду известных примеров невыписывания конечного широкого /A/ в открытом слоге [Tekin, 2003, s. 30–31], во-вторых, с точки зрения смысловой логики, опирающейся на новое прочтение следующей фразы надписи.

Оно основывается на идентификации знака в виде двух соединенных вершинами треугольников **И** (знак 16) [Васильев, 1983, с. 147, табл. 35, строки 2, 4, 5], для которого принимается трактовка как лигатуры /liq/ [Кормушин, 1997, с. 170, 260; Rybatzki, 1997, S. 33–35, Anm. 35; Alimov, 2014, s. 26 (No 38), 158]. Это позволяет прочесть слово *āšliq* (знаки 15–16), как отмечает сэр Дж. Клосон, “usually ‘fond, provisions’, less often ‘cereals’” [Clauson, 1972, p. 261–262]. Последнее слово *ädgüüg* (знаки 17–21) – ‘хороший, добрый’ < *ädgü* ‘goodness’ + *+IXG* [Древнетюркский словарь ... , 1969, с. 163; Erdal, 1991, p. 147] – уверенно прочитал Х. Намык (Оркун) [Orkun, 1994, s. 351].

Завершающий надпись знак $\downarrow$ (знак 22) используется, по-видимому, в вокативном значении [Erdal, 2004, p. 351–352; Кызласов, 2012, с. 40–41], учитывая наличие следом словоразделителя в виде вертикального двоеточия.

Ни один из снимков надписи (ср.: [Рыгдылон, 1953, с. 88, рис. 2а–б]) не позволяет видеть в конце фразы знак r^2 , предполагавшийся другими исследователями [Donner, Räsänen, 1932, S. 6; Orkun, 1994, s. 351; Vazin, 1991, p. 499].

Таким образом, возможно предположить, что в тексте речь идет о помечании какой-то трапезы, объектом которой стала особь (самка?) горного барана, возрастом примерно пять месяцев, убитая на охоте, о чем косвенно свидетельствует упоминание оседланного «жеребца».

Вопросы датировки и атрибуции надписей

Палеография памятников. К. Доннер, выделивший Западное Прибайкалье в «совершенно новую тюркскую “руническую провинцию”» (eine ganz neue türkische “Runenprovinz”) (ср.: [Окладников, 1946, с. 101]), отмечал большую близость форм представленных на пряслицах рунических знаков к образцам с территории Минусинской котловины, нежели с территории Монголии, контакты с населением которой он считал менее вероятными [Donner, Räsänen, 1932, S. 4].

Знаки на находке из окрестностей д. Нарин-Кунта характеризуются достаточно четкими формами. Наиболее яркой характеристикой может считаться употребление знака в форме правонаправленного равнобедренного треугольника $\triangleright$, что отмечено в нескольких енисейских надписях [Васильев, 1983, с. 116, табл. 13, строка 13; Кызласов, 1994, с. 94, табл. XXVI, № 12, 118, табл. XXXI, № 5; Alimov, 2014, s. 26 (No 41)]. Примечательны форма и соотношение элементов знака γ , с длинными дугами и относительно короткой вертикальной линией, характерные как для памятников с территории Монголии, так и памятников енисейского бассейна [Васильев, 1983, с. 108, табл. 9, строки 5, 7, 8] (ср.: [Donner, Räsänen, 1932, S. 4]).

Среди важнейших черт надписи с территории улуса Шохтой следует отметить, прежде всего, округлые очертания знака с фонемным значением b^2 , что зафиксировано для групп надписей с территории Монголии и Алтая [Васильев, 1983, с. 106, табл. 6, строки 17–18; Кызласов, 1994, с. 86, табл. XXIV, строка 35]. Другой отличительной особенностью является форма знака, обозначающего щелевой $\&$, в виде рогатки со штамбом на левом отростке, в большей степени характерная для памятников енисейской долины [Васильев, 1983, с. 133, табл. 25, строка 7, с. 135, табл. 26, строка 9; Alimov, 2014, s. 25 (No 21, 23)].

Знак в форме соединенных вершинами треугольников $\mathbb{M}$ встречается в надписи Тоньюкука (I стела, северная сторона, строка 2(26)), Терхинской (Тариатской) надписи (северная сторона, строка 3), относящимся к VIII в., а также в нескольких текстах с территории Тувы (E 2, E 49, E 94) и недавно открытой надписи из местности Ак-Олён в Кыргызстане [Васильев, 1983, с. 147, табл. 35, строка 2, 5); Кызласов, 1994, с. 94, табл. XXV, с. 116–117, 118, табл. XXXI; Alimov, 2014, s. 26 (No 38), 157, 158], которая по палеографическим характеристикам может быть сопоставлена с надписями енисейского бассейна [Alimov, 2014, s. 18]. Памятник Уюк-Аржан (E 2) с территории Тувы связан с курганом, который, согласно Л. Р. Кызласову, можно отнести к периоду конца VIII – начала IX в. [Кызласов, 1960, с. 98–99].

Выше отмечалась вокативная функция последнего знака $\downarrow$ (знак 22) утуелгинской надписи, что характерно преимущественно для енисейских памятников [Erdal, 2004, p. 351–352; Кызласов, 2012, с. 40–41].

Косвенные данные о связях населения Западного Прибайкалья с енисейскими кыргызами. Предположение К. Доннера находит другое косвенное подтверждение. Так, в горах на территории Западного Прибайкалья, на скале Байтог (бур. Байтаг), среди прочих петроглифических символов зарегистрированы начертания двух знаков, идентичных тамгам, начертанным на поверхности стел с древнетюркскими руническими эпитафиями с территории Хакасии [Хороших, 1957, с. 146, 148, рис. 10; Рыгдылон, Хороших, 1961, с. 203, 209, табл. 5, рис. 1, 2] (рис. 4). Изображения обоих в качестве тамговых знаков известны на территориях, непосредственно связанных с енисейскими кыргызами: оба – на скале Хая-Бажы, с несколькими надписями посетительского характера (Е 24) в Туве, и на скале Тепсей в Красноярском крае, где верхняя (рис. 5), похоже, привязана к надписи (Е 123); кроме того, она зафиксирована на эпитафии Оя (Е 27), а нижняя тамга (рис. 6) – на эпитафиях Означенное I (Е 25), Означенное II (Е 104), Абакан (Е 48) [Кызласов, 1960, с. 105, рис. 8: 1–7, с. 111, рис. 14: 11–13, 16; Кызласов, 1965, с. 40, рис. 2: 1–9, с. 45, рис. 7: 16–19, 26–27; Васильев, 1983, с. 52, 63 (Хая-Бажы, прорисовка), 64 (Е 25, прорисовка; Е 27, прорисовка), 76 (Е 104, прорисовка), 78 (Е 123, прорисовка), 97, 98 (Е 24, фотографии), 101 (Е 25, Е 104, фотографии), 102 (Е 27, фотография), 122 (фотографии тамг на скале Тепсей); Есин, 2017, с. 64, рис. 6: 1–3; Есин, 2018, с. 70, рис. 1: 2–7].

Рис. 4. Тамгообразные знаки на скале у г. Байтог [Хороших, 1957, с. 148, рис. 10]

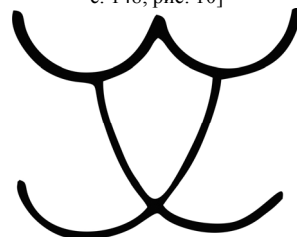

Рис. 5. «Кыргызская» тамга на скале Хая-Бажы, скале Тепсей у надписи Е 123 и на стеле с эпитафией Оя (Е 27) [Кызласов, 1960, с. 111, рис. 14: 16]

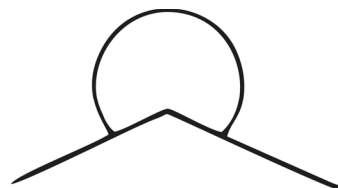

Рис. 6. «Кыргызская» тамга на скале Хая-Бажы, скале Тепсей и на стелах с надписями Означенное I (Е 25), Означенное II (Е 104), Абакан (Е 48) [Кызласов, 1960, с. 105, рис. 8: 1–7, с. 111, рис. 14: 11–13]

Независимо от того, полностью ли принимать построения Л. Р. Кызласова касательно датировки енисейских памятников на основе сопоставления друг с другом форм типологически близких тамг (см., напр.: [Кызласов, 1960, с. 105, рис. 8: 1–7, с. 112–113, прим. 76; Кызласов Л. Р., 1965, с. 40, рис. 2: 1–9, с. 45])⁸, нельзя не обратить внимания на тот факт, что оба изображения на скале у г. Байтог имеют несколько более усложненные формы, чем аналогичные знаки, сопровождающие енисейские надписи. Это, в свою очередь, дает косвенные основания исходить при датировке прибайкальских образцов из их сравнительно несколько более позднего характера.

Зафиксированные на г. Байтог формы приводятся в публикациях П. П. Хороших начертанными в перевернутом кверху ногами виде. Перепроверить эти данные не представляется возможным ввиду того, что, как сообщил нам Б. З. Нанзатов, рисунки на скальной поверхности г. Байтог не сохранились до наших дней.

Примечательно, что здесь же, в долине р. Куды, в ее верховьях, в паре десятков километров к северу от г. Байтог, на г. Манай-Хада обнаружена еще одна руническая надпись, которая может быть интерпретирована как древнетюркская [Свинин, Хороших, 1971, с. 148, рис. 4], хотя само опубликованное изображение нуждается в уточнении.

В связи с изложенным примечателен тот факт, что г. Байтог имеет сакральное значение для местного бурятского населения, являясь культовым центром всех подразделений западно-бурятского племенного объединения *эхирит* [Хороших, 1957, с. 147; Нанзатов, Содномпилова, 2005].

⁸ Л. Р. Кызласов относил надписи Е 25 и Е 48 к первой половине IX в.

Крайне немногочисленные и не всегда однозначные археологические свидетельства все же дают исследователям основания говорить о распространении енисейских кыркызов на восток от своих коренных территорий, вплоть до Восточного Забайкалья, соотнося с ними предметный комплекс, находящий аналогии на территории Тувы, где период его бытования относится к периоду второй половины IX–X вв. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 271]. Собственно для Западного Прибайкалья вопрос сохраняет дискуссионный характер, но не сводится к отрицанию отсутствия контактов [Харинский, 2003].

В свое время еще А. П. Окладников, изучая наскальные писаницы у д. Шишкино на берегу р. Лены, пришел к выводу об их стилистической и содержательной близости писаницам Минусинской котловины и изобразительному искусству орхонских тюрков (Кудыр-гэ). В частности, речь идет о деталях образов всадников и сюжетах охоты. Это дало исследователю основания отнести ленские писаницы, по крайней мере, к периоду так называемого средневековья [Окладников, 1959, с. 128–149, 165–166; Окладников, Запорожская, 1959, с. 123–129]. Он даже высказал в качестве предположения мысль о том, что эти писаницы начертала «рука кыргызского же художника, волей судьбы оказавшегося на Лене» [Окладников, 1959, с. 149; Окладников, Запорожская, 1959, с. 124].

Из письменных источников, видимо, только сообщение относительно поздней династийной хроники «Юань ши» 元史 (цз. 63) намекает на возможность прямых контактов енисейских кыркызов с населением долины р. Ангара (*ан-кэ-ла *昂可刺 < ркп. мао-кэ-ла 昂可刺), называя последних «подданными» (фу-юн 附庸) кыркызов (цзи-ли-цзи-сы 吉利吉思). При этом, хотя и говоря о различии языка между ними, авторы летописи в отождествлении населения долины р. Ангара автоматически отсылают к владению *курукан* (*гу-ли-гань *骨利幹 < ркп. гу-ли-во 骨利幹) династийной хроники «Синь Тан шу» 新唐書 [Cleaves, 1956, p. 400, note 76] (ср.: [Кюннер, 1961, с. 283]). Что здесь соответствует времени написания «Юань ши» 元史, а что является архаизмом, сказать сложно.

В отношении характеристики собственно рассматриваемых надписей на пряслицах все эти доводы пока представляются хотя и косвенными, но не бесперспективными. Недостаточная изученность в археологическом отношении территории Западного Прибайкалья рассматриваемого периода не позволяет делать каких-либо далеко идущих выводов в целом, в том числе в рамках дискуссии о бытовании здесь в то время тех или иных археологических культур, а также их привязке к конкретным историческим общностям (ср., например, *куруканы*) [Харинский, 2009].

Материал изготовления пряслиц. В ходе обсуждения интерпретации содержания рассматриваемых надписей наши коллеги-археологи обратили внимание на вопрос, касающийся собственно функционального назначения предметов, на которые они были нанесены. Буквальное восприятие надписи из д. Нарин-Кунта предполагает нанесение на предмет собственно его наименования, почему он может быть охарактеризован как пряслице. Не так однозначен смысл фразы, начертанной на аналогичном предмете из улуса Шохтой. Однако, насколько можно судить по работам Б. Э. Петри, находки подобных изделий имели массовый характер. Сам он отмечал на этот счет следующее: «Пряслицы или моховики веретен курмчинцы⁹ выделывали из каменного угля: эти вещи найдены в достаточном количестве на их стоянках» [Петри, 1922, с. 27; Петри, 1928, с. 62].

Вопрос о материале, из которого сделаны предметы, приобретает особый интерес. Б. Э. Петри подробно не останавливался на этом моменте, в самом общем тоне написав лишь о «плотной разновидности каменного угля» [Петри, 1923, с. 13]. Это должна быть порода угля, физические свойства которой позволяют использовать изделия из нее в качестве пряслиц и также наносить на поверхность изделий какие-либо резы. Согласно устному замечанию А. А. Тишкина, Б. Э. Петри был прекрасным знатоком эпохи камня, почему трудно допустить,

⁹ Во втором издании – «курумчинские кузнецы».

что он мог ошибиться в определении материала. Н. В. Именохоев в личной беседе озвучил мысль, что материалом, из которых изготовлены пряслица, мог быть гагат.

Уже в работах А. П. Окладникова материалом, из которых изготовлены данные пряслица, назван богхед [Окладников, 1937, с. 282; Окладников, 1946, с. 101]. Как писал исследователь в одной из работ, «они представляли собой два небольших диска, вырезанных из местного прибайкальского материала – богхеда (разновидность каменного угля), легко обрабатываемого простым ножом и легко полирующегося» [Окладников, 1955, с. 303]. В других археологических публикациях о том, что раскопанные Б. Э. Петри на территории Западного Прибайкалья пряслица изготавливались именно из этого материала, говорится лишь как о возможном варианте («Возможно, из богхеда, как легко поддающегося обработке угля, выделявали и другие вещи...») [Балдунников, Бардамов, 1962, с. 113]. Нам удалось найти только указание на находку «пряслица из богхеда» на территории городища Улан-Бор, в долине р. Унги [Дашибалов, 1995, с. 50], нижняя дата функционирования которого относится к IX–X вв. [Дашибалов, 1995, с. 51].

В посмертно изданной (1954 г.) книге известного минеролога А. Е. Ферсмана встречается (к сожалению, без ссылок) следующий пассаж: «Вот что пишет А. Могилев об иркутском гагате: “Проф. Иркутского гос. университета Б. Э. Петри в своем очерке “Далекое прошлое Прибайкалья” сообщает о найденном им гагате при раскопке в окрестностях деревни Кунта (Бур.-Монг. АССР) и на земле улуса Шахтой Эхирит-Булагатского аймака – маховичков-пряслиц к веретенам с орхонскими письменами (III–V вв. н. э.)”» [Ферсман, 2003, с. 258].

Установить, какая работа цитируется здесь, не удалось, но речь, видимо, идет об иркутском резчике Александре Иннокентьевиче Могилеве, «которому принадлежат первые исследования физических свойств богхедов» [Деев, 1935, с. 93]. Ю. П. Деев ссылается на рукопись работы данного автора «Общие сведения о физических свойствах богхеда»¹⁰. Сам Ю. П. Деев, употребляя в своем докладе термин «гагаты», оговаривается, что использует его «условно для обозначения угля как поделочного материала», в целом характеризуя сапропелиты, т. е. породы ископаемого угля, образовавшиеся в результате преобразования органических веществ в донных осадках водоемов [Деев, 1935, с. 83, прим. 1].

Крупные месторождения подобных ископаемых находятся к востоку от р. Ангара. Особо известно Матаганское месторождение [Деев, 1935, с. 83–89]. Согласно результатам исследований матаганских образцов А. И. Могилевым, любопытно отметить следующие их свойства:

«1. Богхед при грубой обработке подпилком имеет бурый цвет и при шлифовке шкурками, наждачной пылью, пемзой и мелом принимает изящную черную блестящую поверхность.

2. Отполированная поверхность прекрасно режется и гравировается.

3. Раскалывается сапропелит значительно легче в одном направлении – по плоскости напластования, т. е. параллельно почве и кровле пачки... <...>

...6. При сверлении сильно нагревается и трескается, поэтому Могилевым изготовлено специальное сверло, облегчающее сверловку» [Деев, 1935, с. 93, 94].

Матаганский уголь также сформировался из водорослей, т. е. относится к сапропелитам; он имеет однородную структуру и пригоден для использования в качестве поделочного материала [Glushnev, 1995, p. 351–352]. Употребление термина «гагат» некорректно ввиду различия свойств таких углей и настоящего гагата (лигнита), хотя оно укоренилось в работах ряда авторов [Glushnev, 1995, p. 350–351, 352].

Спорадические случаи использования сибирского угля, обнаруженного в районе Иркутска, в качестве поделочного материала известны уже в конце XIX в. [Glushnev, 1995, p. 351].

¹⁰ В тексте статьи Ю. П. Деева говорится об «И. А. Могилеве», а в списке литературы инициалы автора даны как «И. Р. Могилев» [Деев, 1935, с. 99].

В 1925 г. Ю. А. Жемчужниковым вблизи улуса Сухокуядского, в 17 км к северу от Усть-Орды, обнаружены залежи (вторичного отложения) богхеда в виде больших плит. Местное население на тот момент использовало его в качестве поделочного материала [Жемчужников, 1926; Отчет ... , 1927, с. 173–174]. Ю. П. Деев сравнил его «по внешнему виду» с углем крупного хахарейского месторождения [Деев, 1935, с. 88]. По химическим свойствам и элементарному составу сухокуядский уголь вполне близок матаганскому [Деев, 1935, с. 92, 93].

Сказанное дает основания не только считать предметы с надписями именно пряслицами, а также видеть в них продукт деятельности местного населения. Подтвердить или опровергнуть эту мысль могло бы ознакомление с находками при возможности сделать химический анализ их состава.

Заключение

Как становится ясным из всего изложенного, две рассматриваемые надписи не могут быть ни уверенно датированы, ни атрибутированы, что, соответственно, затрудняет их интерпретацию в конкретном историческом контексте и использование в качестве источника как по истории, так и языку тюркоязычных обитателей Южной Сибири в древнетюркский период. Однако комплексный подход к анализу как самих надписей, так и предметов, на которые они нанесены, несмотря на отсутствие достоверного археологического контекста их обнаружения, делает возможным предложить некоторые наблюдения касательно, прежде всего, хозяйственной жизни населения Западного Прибайкалья, но также вполне уверенно говорить о его тесных культурных контактах с обитателями сопредельных территорий, в частности енисейскими кыркызами. Хотя надписи, по-видимому, были нанесены на продукт местного производства, мы не можем сказать, к кому именно принадлежал их автор. Думается, что при всех аналогиях, если тексты действительно связаны с енисейскими кыркызами, нижний хронологический предел создания должен падать на середину IX в. В среде енисейских кыркызов руническая письменность бытовала, по крайней мере, до XI–XII вв., о чем говорит надпись на стеле у с. Малиновка (Е 56), на территории Тувы, привязанная к кургану, который может быть датирован на основе предметного комплекса [Кызласов, 1960, с. 103, 108, рис. 11, с. 109, рис. 12, с. 110, рис. 13].

Уточнение или конкретизация отдельных наблюдений могут быть осуществлены только при условии привлечения других материалов. При скудности базы письменных источников по истории Западного Прибайкалья древнетюркского периода больших перспектив следует ожидать от полевых исследований: археологических раскопок и изучения петроглифических памятников.

Благодарности

Автор выражает благодарность Н. В. Именохоеву, Б. З. Нанзатову (ИМБТ СО РАН), Н. Н. Серегину, А. А. Тишкину (АГУ), И. В. Уланову (ИГУ) за возможность обсуждения различных вопросов, касающихся темы работы, сделанные ими ценные указания и замечания.

Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

Список литературы

- Балдунинов А. И., Бардамов И. Н. Археологические памятники в долине реки Обусы // Этнографический сборник. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-та, 1962. Вып. 3. С. 108–114.
- Басаева К. Д., Зимин Ж. А. Хозяйственный календарь аларских бурят (конец XIX начало – XX века) // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов / редкол.: К. Д. Басаева, Д. Д. Нимаев (отв. ред.). Улан-Удэ : Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. С. 57–75.
- Бернштам А. Н. Древнетюркское письмо на р. Лене // Эпиграфика Востока. 1951. Т. 4. С. 76–86.
- Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983. 160 с.
- Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
- Деев Ю. П. Сапропелиты-«гагаты» Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР : первой конф. по изучению производительных сил

- Бурят-Монгольский АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 1. С. 83–99.
- Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев [и др.]. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Дыбо А. В. Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Междунар. конф. Чебоксары, 16–18 сент. 2010 г. / ред.-сост. А. В. Кузнецов. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 10–21.
- Есин Ю. Н. К проблеме идентификации тамг кыргызов и чиков из «Тан хуйяо» // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1(17). С. 57–75.
- Есин Ю. Н. О сходстве тамг енисейских кыргызов и правителей Западно-тюркского каганата // Материалы V Междунар. науч. конф. «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук Виталия Епифановича Ларичева (27–28 сент. 2018 г.) / редкол.: В. Н. Тугуужекова, Н. А. Данкина, Ю. Н. Есин. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2018. С. 64–73.
- Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.
- Жамбалова С. Г. Скотоводство // Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 93–105.
- Жемчужников Ю. А. О новой находке богхеда в Иркутской губ. // Вестник Геологического комитета. 1926. Т. 1. № 3. С. 19–21.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
- [Ксенофонов Г. В.] Письмена древне-тюркского населения Предбайкалья: рукописи из архива [публ. А. Кривошапкин-Айыга] // Илин. 2005. № 5. С. 55–66.
- Ксенофонов Г. В. Расшифровка двух памятников орхонской письменности из западного Прибайкалья М. Резененом // Язык и мышление. М.; Л.: АН СССР, 1933. Вып. 1. С. 170–173.
- Ксенофонов Г. В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. Т. 1. Кн. 1. 416 с.
- Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Вост. лит-ра, 1994. 327 с.
- Кызласов И. Л. Раннесредневековая эпиграфика Казахстана и Кыргызстана: проблема датировки, происхождения и принадлежности таласского рунического письма (в кратком изложении) // «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарының материалдар жинағы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» (30 нояб. 2012 г. Алматы, 2012) / редкол.: Г. Т. Телебаев, Н. С. Мухамеджанова, А. Е. Рогожинский. Алматы: Service Press, 2012. С. 40–44.
- Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 93–120.
- Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38–49.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961. 391 с.
- Левин Г. Г. Ленско-прибайкальские рунические надписи // KARADENİZ (Black Sea-Черное море). 2014. Yıl 6. Sayı 21. S. 13–23.
- Малов С. Е. Новые памятники с турецкими рунами // Язык и мышление. М.; Л.: АН СССР, 1936. Вып. VI–VII. С. 251–279.
- Махмұд ал-Қашғарӣ. Дивән Лугāt ат-Турк (Свод тюркских слов) / пер. с арабск. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина; прим. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. М.: Вост. лит. РАН, 2010. Т. 1. 461 с.
- Наделяев В. М. Древнетюркская верительная грамота // Известия СО АН СССР. 1974. Сер. обществ. наук. Вып. 3. № 11. С. 115–118.
- Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Байтог: «Баурун буураһууд». Исследования локальной группы бурят // Народы и культуры Северной Азии: материалы исследований 2004 г. / науч. ред. М. Г. Туров. Иркутск: [б.и.], 2005. С. 47–63.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) Л.: ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Окладников А. П. Археологические исследования 1940–1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып. XIII. С. 99–106.
- Окладников А. П. История якутской АССР. 2-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. Якутия до присоединения к русскому государству. 432 с.
- Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1959. 211 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.; Л.: АН СССР, 1959. 198 с.
- Окладников А. П., Барашков И. И. Древняя письменность якутов. Якутск: Якутгосиздат, 1942. 40 с.
- Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета в 1925 году. Л.: Изд-во геологич. комитета, 1927. IV, 311 с.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск: Контора издательства газеты «Красный бурят-монгол», 1922. 42 с.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья: научно-популярный очерк. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск: Тип. изд-ва «Власть Труда», 1928. 73 с.
- Петри Б. Э. Доисторические кузницы в Прибайкалье (К вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Известия народного образования в Чите. Чита, 1923. № 1. С. 1–39.
- Рыгдылон Э. Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья // Эпиграфика Востока. М.; Л.: АН СССР, 1953. Вып. VIII. С. 86–90.
- Рыгдылон Э. Р., Хороших П. П. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья // Тр. Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-та СО АН СССР. Сер. историко-филологическая. 1961. Вып. 6. С. 202–213.
- Свинин В. В., Хороших П. П. Новые наскальные рисунки в верховьях реки Куды // Ученые записки Иркутского областного музея краеведения. Иркутск, 1971. Вып. 4. Ч. 1. Вопросы истории Сибири / редкол.: Ф. А. Кудрявцев (отв. ред.) [и др.]. С. 144–148.
- Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Смирнов М. Н. Дикие животные Южной Сибири // Природа. 1983. № 11. С. 76–83.
- Сопин Л. В. Аргали // Охота и охотничье хозяйство. 1977. № 6. С. 14–17.

- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Тишин В. В. К прочтению двух древнетюркских рунических надписей на пряслицах с территории Прибайкалья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: мат-лы IX междунар. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.): в 2 т. / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 120–124.
- Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. 634 с.
- Ферман А. Е. Очерки по истории камня: в 2 т. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2003. Т. 1. 302 с., 48 с. ил.
- Харинский А. В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н. э. из Южного Приангарья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 220–226.
- Харинский А. В. Курумчинская культура: миф и реальность // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всерос. конф. Иркутск, 29 марта – 1 апр. 2009 г. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 49–62.
- Хороших П. П. Писаницы на горе Манхай // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. XXV. С. 127–131.
- Хороших П. П. Наскальные изображения на горе Байтог // Записки Бурят-Монгольского Научно-исследовательского Института культуры. Улан-Удэ, 1957. Вып. XXIII. С. 144–148.
- Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / отв. ред. Е. И. Убрытова. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977. 191 с.
- Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» («Г») и «Қ» («К») ~ «К» / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. Вып. первый. 368 с.
- Alimov R. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme*. Konya: Kömen Yayınları, 2014. (5), 262 s.
- Bazin L. Über die Sternkunde in alttürkischer Zeit // Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. 1963. Nr. 5. S. 571–582.
- Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 571 p.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
- Cleaves F. W. Qabqanas-Qamqanas // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19, N 3/4. P. 390–406.
- Donner K., Räsänen M. Zwei neue türkische Runenschriften // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1932. Vol. XLV. N 2. P. 1–7, 1 pl.
- Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. xii, 575 p.
- Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. Vol. 1–II. XIV, 874 p.
- Eren H. Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü. Ankara: Bulak Neşriyat, 1999. xxix, 512 s.
- Gabain A. von. [Rez.] Louis Bazin: Über die Sternkunde in alttürkischer Zeit. Akad. d. Wissenschaften und der Lit., Abh. d. Geistes- u. Sozialwiss. Klasse, Jahrgang 1963, Nr. 5; 1963, S. 571–582. Wiesbaden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1965. Bd. 115. S. 428–429.
- Glushnev S. Siberian sapropelic coal: a unique type of workable jet // Journal of Gemmology. 1995. Vol. 24, N 5. P. 349–353.
- Gülensoy T. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağzları ve Altay dilleri ile karşılaştırma: (etimolojik sözlük denemesi). Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007. Cilt I (A–N). 608 s.
- Kabataş O. Kıbrıs Türkçesinin etimolojik sözlüğü. Lefkoşa: Kıbrıs Türk Yazarlar Birliği, 2007. 720 s.
- Kara G. [Rev. on] LOUIS BAZIN, Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, vol. XXIV.), Akadémiai Kiadó, Budapest, Edition du CNRS. Paris 1991. 571 p. // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1994. T. XLVII. Fasc. 1. P. 201–206.
- Ligeti L. A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van I / Szerk.: S. Ódön. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára, 1977. IV, 430. o.
- Mahmūd al-Kāşyarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. XI, 416 p.
- Orkun H. N. Eski Türk yazıtları. 3. bk. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. 963 s.
- Räsänen M. Beiträge zu den türkischen Runenschriften // Studia Orientalia. 1952. Vol. XVII. No 6. S. 3–7.
- Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged: Department of Altaic Studies (University of Szeged), 1997. 132 S.
- Tekin T. Notes on “Old Turkic Word Formation” // Central Asiatic Journal. 1994. Vol. XXXVIII. No. 2. P. 244–281.
- Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri. 2. bk. İstanbul: Türk Dilleri Araştırmaları, 2003. 272 s.
- Useev N. Altay Yazıtlarından Yabogan (A 84) Yazıtı ve Köktürkçe Vefeyat, At Tasviri Formülleri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten. 2017. Sayı 65. Cilt 1. S. 105–128.

References

- Alimov R. *Tanrı Dağı Yazıtları. Eski Türk Runik Yazıtları Üzerine Bir İnceleme [Inscriptions of the Tien-Shan. A Study on Old Turkish Runic Inscriptions]*. Konya, Kömen Publ., 2014, (5), 262 p. (In Turkish)
- Baldunnikov A. I., Bardamov I. N. Arkheologicheskie pamiatniki v doline reki Obusy [Archaeological Sites in Obusy River valley]. *Etnograficheskii sbornik [Ethnographic Collection]*. Ulan-Ude, Buryat Complex Scientific Research Institute Publ., 1962, Vol. 3, pp. 108–114. (In Russ.)
- Basaeva K. D., Zimin Zh. A. Khoziaistvennyi kalendar alarskikh buryat (konets XIX – nachalo XX veka) [Economic Life Calendar of the Alar Buryats (late 19th – early 20th century)]. *Kulturno-bytovye traditsii buriat i mongolov [Traditional Customs of Buryats and Mongols]*. Ulan-Ude, 1988, pp. 57–75. (In Russ.)
- Bazin L. Über die Sternkunde in alttürkischer Zeit [On the Astronomy in Old Turkish Period]. *Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse [Academy of Sciences and Literature [Mainz]]. Papers*

- of the *Humanities and Social Sciences Class*]. 1963, Vol. 5, pp. 571–582. (In German).
- Bazin L. *Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien* [Chronological Systems in the Ancient Turkic world]. Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1991, 571 p. (In French)
- Bernshtam A. N. Drevnetyurkskoe pismo na r. Lene [Old Turkic Writing on Lena River]. *Epigrafika Vostoka* [Oriental Epigraphics]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1951, Vol. 4, pp. 76–86. (In Russ.)
- Blagova G. F. (ed.). *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvu “K” (~ “G”) i “Q”* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common-Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning on Consonant “K” (~ “G”) and “Q”]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1997, Vol. 1, 368 p. (In Russ.; In Turkic)
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford, Clarendon Press, 1972, XLVIII, 989 p.
- Cleaves F. W. Qabqanas-Qamqanas. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956, Vol. 19, No. 3/4, pp. 390–406.
- Dashibalov B. B. *Arkheologicheskie pamiatniki kurykan i khori* [Archaeological sites of Kurykans and Khori]. Ulan Ude, Buryat Scientific Center of SB RAS Publ., 1995, 191 p. (In Russ.)
- Deev Yu. P. Sapropelity-“gagaty” Buryat-Mongolskoi ASSR [Sapropelic Coals-“Jets” of Buryat-Mongol ASSR. *Problemy Buryat-Mongolskoi ASSR. Trudy pervoi konferentsii po izucheniyu proizvoditelnykh sil Buryat-Mongolskoi ASSR* [Problems of Buryat-Mongol ASSR: Proceedings of the 1st Conference on the Study of the Productive Forces of the Buryat-Mongol ASSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1935, Vol. 1, pp. 83–99. (In Russ.)
- Donner K., Räsänen M. Zwei neue türkische Runenschriften [Two New Turkic Runic Inscriptions]. *Swomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja / Journal de la Société Finno-Ougrienne* [Journal of Finnish-Ugrian Society]. 1932, Vol. 45, No 2, pp. 1–7, 1 pl. (In German)
- Dybo A. V. Otrazhenie bulgarskikh palatalizatsii v bulgarizmazh vengerskogo yazyka [Reflection of Bulgar Palatalization in Hungarian Words of Bulgar Origin]. *Chuvashskii yazyk i etnos v istorii evraziiskoi tsivilizatsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Cheboksary, 16–18 sentyabrya 2010 g.)* [Chuvash Language and Ethnos in the History of Eurasian Civilization. Proceedings of the International Conference (Cheboksary, September 16–18, 2010)]. Cheboksary, 2011, pp. 10–21. (In Russ.)
- Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden, Boston, Brill, 2004, XII, 575 p.
- Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden, Harrassowitz, 1991, Vol. I–II, XIV, 874 p.
- Eren H. *Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü* [An Etymological Dictionary of Turkish]. Ankara, Bulak Publ., 1999, XXIX, 512 p. (In Turkish)
- Esin Yu. N. K probleme identifikatsii tamg kyrgyzov i chikov iz “Tan khuiiao” [Towards the Identification of Tamgas of the Kyrgyz and the Chik Recorded in “Tang Huiyao”]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Sayano-Altai Scientific Review]. 2017, Vol. 1 (17), pp. 57–75. (In Russ.)
- Esin Yu. N. O skhodstve tamg eniseiskikh kyrgyzov i pravitelei Zapadno-tyurkskogo kaganata [On the Similarity of Tamga-signs of the Yenisei Kyrgyz and the Rulers of the Western Turkic Khaganate]. *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Narody i kultura Sayano-Altaya i sopredelnykh territorii”, posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya* *vostokoveda, arkeologa, doktora istoricheskikh nauk Vitaliya Epifanovicha Laricheva (27–28 sentyabrya 2018 g.)* [Proceedings of the 5th International Scientific Conference “Peoples and Cultures of Sayan-Altai and Neighboring Territories dedicated to the 85th Anniversary of the birth of the Orientalist, Archaeologist, Doctor of Historical Sciences Vitaly Epifanovich Larichev (September 27–28, 2018)”. Abakan, 2018, pp. 64–73. (In Russ.)
- Fersman A. E. *Ocherki po istorii kamnya* [Essays on a History of Stone]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2003, Vol. 1, 48 p. (In Russ.)
- Gabain A. von. [Review on] Louis Bazin: Über die Sternkunde in alttürkischer Zeit. Akad. d. Wissenschaften und der Lit., Abh. d. Geistes- u. Sozialwiss. Klasse, Jahrgang 1963, Nr. 5; 1963, S. 571–582. Wiesbaden. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* [German Oriental Society: Journal of the German Oriental Society]. 1965, Vol. 115, pp. 428–429. (In German)
- Glushnev S. Siberian sapropelic coal: a unique type of workable jet. *Journal of Gemmology*. 1995, Vol. 24, Is. 5, pp. 349–353.
- Gülensov T. *Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (siveleri/dilleri). Anadolu ağzıları ve Altay dilleri ile karşılaştırma: (etimolojik sözlük denemesi)* [Dictionary of Words of Turkish origin in Turkish: Historical – living Turkish dialects (dialects / languages). Comparative with the Anatolian dialects and Altaic Languages (Etymological Dictionary Trial)]. Ankara, Turkish Language Society Publ., 2007, Vol. I (A–N), 608 p. (In Turkish)
- Kabataş O. *Kıbrıs Türkçesinin etimolojik sözlüğü* [Cyprus Turkish Etymological Dictionary]. Nicosia, Union of Turkish Cypriot Writers, 2007, 720 p. (In Turkish)
- Kara G. [Review on] Louis Bazin. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, Vol. XXIV). Budapest, Paris, Akadémiai Kiadó Publ., Edition du CNRS, 1991, 571 p. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1994, Vol. 47, Is. 1, pp. 201–206.
- Kharinsky A. V. Zakhoroneniya po obryadu krematsii kontsa I tys. n. e. iz Yuzhnogo Priangariya [Cremation Burials of the End of the 1st Millennium A. D. in the Upper Angara Region]. *Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kulturnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri* [Historical Experience in the Economic and Cultural Development of Western Siberia]. Barnaul, 2003, Vol. 1, pp. 220–226. (In Russ.)
- Kharinsky A. V. Kurumchinskaya kultura: mif i realnost [Kurumchin Culture: Myth and Reality]. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: materialy 3-i Vserossiiskoi konferentsii (Irkutsk, 29 marta – 1 aprelya, 2009 g.)* [Sociogenesis in Northern Asia: Proceedings of the 3rd All-Russian Conference (Irkutsk, March 29 – April 1, 2009)]. Irkutsk, 2009, pp. 49–62. (In Russ.)
- Khoroshikh P. P. Pisanitsy na gore Mankhai [Rock Paintings on the Mankhai Mountain]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoi kulture* [Brief Reviews on the Reports and Field Studies of the Institute for the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, Vol. 25, pp. 127–131. (In Russ.)
- Khoroshikh P. P. Naskalnye izobrazheniya na gore Baitog [Rock Paintings on the Baytog Mountain]. *Zapiski Buryat-Mongolskogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta kulture* [Memoirs of the Buryat-Mongol Scientific Research Institute of Culture]. Ulan-Ude, 1957, Vol. 23, pp. 144–148. (In Russ.)
- Klyashtornyi S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe Empires of Eurasia]. St. Petersburg,

- St. Petersburg State University Publ., 2005, 346 p. (In Russ.)
- Kormushin I. V. *Tiurkskie eniseiskie epitafii. Teksty i issledovaniya [Turkic Yenisei Epitaphs. Texts and Research]*. Moscow, Nauka Publ., 1997, 303 p. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Rasshifrovka dvukh pamyatnikov orkhonskoi pismennosti iz zapadnogo Pribaikaliya M. Resenenom [Decipherment of Two Orkhon Writing Monuments from Western Baikal Region made by M. Räsänen]. *Yazyk i myshlenie [Language and Mentality]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1933, Vol. 1, pp. 170–173. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Uraangkhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov [Uraangkhai-Sakhalar. Essays on an Early History of Yakuts]. Yakutsk, National Press of Republic Yakutia (Sakha), 1992, Vol. 1, 416 p. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Pismena drevne-tyurkskogo naseleniya Predbaikaliya: rukopisi iz arkhiva [Written Monuments of Old Turkic Population in Western Baikal Region]. *Ilin [Science]*. 2005, Vol. 5, pp. 55–66. (In Russ.)
- Kyuner N. V. *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentralnoi Azii i Dalnego Vostoka [Chinese Reports on Peoples of Southern Siberia, Central Asian and Far East]*. Moscow, Nauka Publ., 1961, 391 p. (In Russ.)
- Kyzlasov I. L. *Runichekije pismennosti evrazijskikh stepei [Runic Writings of Eurasian Steppes]*. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1994, 327 p. (In Russ.)
- Kyzlasov I. L. Rannesrednekovaya epigrafika Kazakhstana i Kyrgyzstana: problema datirovki, proiskhozhdeniya i prinadlezhnosti talasskogo runicheskogo pisma (v kratkom izlozhenii) [Early Medieval Epigraphy of Kazakhstan and Kyrgyzstan: a Problem of Dating, Origin and Attribution of Talas Runic Writing (Summary)]. *Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar "Istoriko-kulturnoe nasledie i sovremennaya kultura" [30 noyabria 2012 g. Almaty, 2012] [Proceedings of the International Scientific-Practical Seminar "Historic Cultural Heritage and Modern Culture" (November 30, 2012, Almaty)]*. Almaty, 2012, pp. 40–44 (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. Novaya datirovka pamyatnikov eniseiskoi pismennosti [New Dating of Yenisei Writing Monuments]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]*. 1960, Is. 3, pp. 93–120. (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. O datirovke pamiatnikov eniseiskoi pismennosti [On Dating of Yenisei Writing Monuments]. *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]*. 1965, Is. 3, pp. 38–49. (In Russ.)
- Levin G. G. Lensko-pribaikalskie runicheskije nadpisi [Lena-Baikal Runic Inscriptions]. *KARADENIZ (Black Sea-Chernoe More)*. 2014, Vol. 6, Is. 21, pp. 13–23. (In Russ.)
- Ligeti L. *A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülötte van [The Turkic Relations on the Hungarian Language and its circumstances]*. Budapest, Library of the Hungarian Academy of Sciences Publ., 1977, Vol. I, IV, 430 p. (In Hungarian)
- Mahmūd al-Kāshgārī. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk)*. Cambridge, Mass., Harvard University Office of the University Publisher, 1982, Pt. I, XI, 416 p.
- Mahmūd al-Kāshgārī. *Dīwān Luḡāt at-Turk [Compendium of the Turkic Words]*. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2010, Vol. 1, 461 p. (In Russ.)
- Malov S. Ye. Novye pamiatniki s tureskimi runami [New Turkic Monuments Containig Runes]. *Yazyk i myshlenie [Language and Mentality]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1936, Vol. 6–7, pp. 251–279. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. Drevnetyurkskaya veritel'naya gramota [Old Turkic Letter of Credence]. *Izvestiya SO AN SSSR [Reports of SB AS USSR]*. 1974, Vol. 3, Is. 11, pp. 115–118. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M. et al. *Drevnetyurkskii slovar [Dictionary of Old Turkic]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 677 p.
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Baitog: "Baruun buurahuud". Issledovaniya lokalnoi gruppy buryat [Baitog: "Baruun buurahuud". Research of a Local Buryat Group]. *Narody i kultury Severnoi Azii: materialy issledovaniya 2004 g. [Peoples and Cultures of Northern Asia: Materials of Studies of 2004]*. Irkutsk, 2005, pp. 47–63. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) [Essays of History of Western Buryat-Mongols (17th–18th centuries)]*. Leningrad, OGIZ Publ., 1937, 427 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Arkheologicheskie issledovaniya 1940–1943 gg. v doline r. Leny i drevnyaya istoriya severnykh plemen [Archaeological researches in 1940–1943 in the Lena River Valley and Early History of North Tribes]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoi kultury [Brief Reviews on the Reports and Field Studies of the Institute for the History of Material Culture]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1946, Vol. 13, pp. 99–106. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Istoriya yakutskoi ASSR [A History of Yakut ASSR]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, Vol. 1. Yakutiya do prisoedineniya k russkomu gosudarstvu [Yakutia before Its Joining the Russian State], 432 pp. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Shishkinskie pisanitsy. Pamyatnik drevnei kultury Pribaikaliya [Shishkino Rock Paintings, Monuments of Ancient Culture of Baikal Region.]*. Irkutsk, Irkutsk Book Publ., 1959, 211 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P., Barashkov I. I. *Drevnyaya pismennost yakutov [Ancient Writing of Yakuts]*. Yakutsk, Yakutgosizdat Publ., 1942, 32 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Lenskie pisanitsy [Lena Rock Paintings]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1959, 198 p. (In Russ.)
- Orkun H. N. *Eski Türk yazıtları [Old Turkic Inscriptions]*. Ankara, Turkish Historical Society Press, 1994, 963 p. (In Turkish)
- Otchet o sostoianii i deyatelnosti Geologicheskogo komiteta v 1925 godu [Report on Activities of the Geological Committee in 1925]*. Leningrad, Geological Committee Publ., 1927, 311 p. (In Russ.)
- Petri B. E. *Dalekoe proshloe buryatskogo kraja [Far Past of the Buryat Region]*. Irkutsk, Kontora izdatelstva gazety "Krasnyi buryat-mongol", 1922, 42 p. (In Russ.)
- Petri B. E. Doistoricheskie kuznetsy v Pribaikalie (K voprosu o doistoricheskom proshlom yakutov) [Prehistoric Blacksmiths in the Baikal region (On the Problem of the Prehistoric Past of the Yakuts)]. *Izvestiya narodnogo obrazovaniya v Chite [News of Public Education in Chita]*. Chita, 1923, Is. 1, pp. 1–39. (In Russ.)
- Petri B. E. *Dalekoe proshloe Pribaikaliya: nauchno-populyarnyi ocherk [Far Past of the Cisbaikal: A Popular Science Essay]*. Irkutsk, Vlast Truda Publ., 1928, 73 p. (In Russ.)
- Räsänen M. Beiträge zu den türkischen Runeninschriften [Contributions to the Turkic Runic Inscriptions]. *Studia Orientalia*. 1952, Vol. 17, No 6, pp. 3–7. (In German)

- Rybatzki V. *Die Toñuquq-Inschrift [Toñuquq Inscription]*. Szeged, Department of Altaic Studies (University of Szeged), 1997, 132 p. (In German)
- Rygdylon E. R. K drevnetyurkskim runam Pribaikaliya [Towards Old Turkic Runes of Baikal Region]. *Epigrafika Vostoka [Epigraphy of The East]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1953, Vol. 8, pp. 86–90. (In Russ.)
- Rygdylon E. R., Khoroshikh P. P. Novye runicheskie nadpisi i znaki Pribaikaliya [New-found Runic Inscriptions and Signs of Baikal Region]. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta SO AN SSSR. Ser. istoriko-filologicheskaya [Memoires of the Buryat Complex Scientific Research Institute, USSR Academy of Sciences. Historical and philological Series]*. 1961, Vol. 6, pp. 202–213. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov [Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye] [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common-Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning on Vowels)]*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. Nazvaniya domashnikh i dikikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of Domestic and Wild Animals in Turkic Languages]. *Istoricheskoe razvitiie leksiki tyurkskikh yazykov [A Historical Development of Turkic Lexicon]*. Moscow, AS USSR Publ., 1961, pp. 82–172. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. *Ocherki po sravnitelnoi morfologii tyurkskikh yazykov. Imya [Essays on Comparative Morphology of Turkic Languages. Noun]*. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 191 p. (In Russ.)
- Smirnov M. N. Dikie zhivotnye Yuzhnoi Sibiri [Wild Animals of Southern Siberia]. *Priroda [Nature]*. 1983, Is. 11, pp. 76–83. (In Russ.)
- Sopin L. V. Argali. *Okhota i okhotniche khoziaistvo [Hunting and hunting farm]*. 1977, Is. 6, pp. 14–17. (In Russ.)
- Svinin V. V., Khoroshikh P. P. Novye naskalnye risunki v verkhoviyakh reki Kudy [New-found Rock Paintings in Upper Kuda River]. *Voprosy istorii Sibiri. Irkutskii Oblastnoi Muzei Kraevedeniya. Uchenye zapiski [Problems of a History of Siberia. Memoires. Irkutsk Regional Museum of Regional Studies]*. Irkutsk, 1971, Is. 4, Part 1, pp. 144–148. (In Russ.)
- Tekin T. *Orhon Türkçesi Grameri [A Grammar of Orkhon Turkic]*. Istanbul, Turkish Language Studies Publ., 2003, 272 p. (In Turkish)
- Tekin T. Notes on “Old Turkic Word Formation”. *Central Asiatic Journal*. 1994, Vol. 38, Is. 2, pp. 244–281.
- Tenishev E. R. (ed.). *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Morphology]*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 560 p. (In Russ.)
- Tishin V. V. K prochteniyu dvukh drevnetyurkskikh runicheskikh nadpisei na pryaslitsakh s territorii Pribaikaliya [On the Reading of Two Old Turkic Runic Inscriptions in Spindles Found in the Territory of Baikal Region]. *Drevnie kultury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy 9 mezhdunarodnoi konferentsii (g. Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.) [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of 9th International Conference (Ulan-Ude, September 10–14, 2018)]*. Ulan-Ude, 2018, Vol. 1, pp. 120–124 (In Russ.)
- Tolybekov S. E. *Kochevoe obshchestvo kazakhov v 17–nachale 20 veka (Politiko-ekonomicheskii analiz) [The Nomadic Kazakh Society in the 17th – early 20th century (Political and economic analysis)]*. Alma-Ata, Nauka Publ., 1971, 634 p. (In Russ.)
- Useev N. Altay Yazıtlarından Yabogan (A 84) Yazıtı ve Köktürkçe Vefeyat, At Tasviri Formülleri [The Yabogan (A 84) Inscription and Old Turkic Death, Horse Attitude Formulas]. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten [Turkish Language Scholarship, Belleten]*. 2017, Vol. 65, Is. 1, pp. 105–128. (In Turkish)
- Vasiliev D. D. *Graficheskii fond pamyatnikov tyurkskoi runicheskoi pismennosti Aziatskogo areala (opyt sistematzatsii) [Graphic Fund of Turkic Runic Writing Monuments of Asian Area (An Attempt of Systematization)]*. Moscow, Nauka Publ., 1983, 160 p. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. *Profannyi i sakralnyi miry olkhonskikh buryat (XIX–XX vv.) [Profane and sacral world of the Olkhon Buryats (19–20 centuries)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 400 p. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Skotovodstvo [Cattle Breeding]. *Buriaty [Buryats]*. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 93–105. (In Russ.)
- Zhemchuzhnikov Yu. A. O novoi nakhodke bogkheda v Irkutskoi gub. [On the New Discovery of the Boghead in Irkutsk Province]. *Vestnik Geologicheskogo komiteta [Bulletin of the Geological Committee]*. 1926, Vol. 1, Is. 3, pp. 19–21. (In Russ.)

Сведения об авторе

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
tihij-511@mail.ru

Information about the author

Tishin Vladimir Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute for Mongolian Studies, Buddology and Tibetology SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
tihij-511@mail.ru